

Научная статья

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.05

СЕМАНТИКА СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАСКУЛИННОСТИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Маркина Людмила Витальевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-002>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению представлений о нормативной, гегемонной маскулинности (мужественности) в русских традиционных и современных паремиях — антипословицах. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена необходимостью изучения вызванных экономическими, общественными, культурными переменами в стране изменений в социогендерных отношениях, в частности трансформационных процессов в практиках объективации маскулинности, эффект от воздействия которых оказывается травмирующим для российских мужчин. Цель работы — выявить и описать специфику представлений о маскулинности в традиционных и современных паремиях в их обусловленности социокультурным контекстом. Статья направлена на обнаружение изменений в базовых характеристиках гегемонной мужественности, детерминированных современными реалиями, и реакции на них в отечественном социуме. Материалами для анализа послужили традиционные и современные паремии, извлеченные из словарей пословиц и антипословиц, а также интернет-источников. Методы исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный, метод культурологического анализа.

В статье проанализированы актуальные в восприятии россиян характеристики мужественности, репрезентированные в традиционных и современных паремиях. Обосновано и конкретизировано содержание семантического наполнения представлений о маскулинности как о злободневном феномене, вызывающем бурные дискуссии в современном отечественном социуме. Доказана глубокая внедренность

в общественное сознание таких ядерных признаков маскулинности, как властность (доминантность) и сопутствующая этому признаку агрессивность, право на насилие, противопоставленность женщине и всему женскому как ущербному, девиантному, что подтверждается приверженностью этим характеристикам в общественной практике и их неизменностью. Показано обусловленное современными реалиями изменение сущности позиций главы семьи и добытчика, кормильца, подвергшихся переосмыслению и размыванию с изменением исторических обстоятельств. Предъявленные в статье материалы и в качестве дополнения к ним анализ специализированных исследований по проблеме позволяют констатировать преобладающий на настоящий момент консерватизм во взглядах на традиционную маскулинность как мужской, так и женской отечественной аудитории, включая аудиторию молодежную, даже при условии большей подвижности представлений о конструкторе мужественности у молодых людей. Полученные результаты позволяют также увидеть этноспецифические гендерные нюансы проблемы взаимоотношений полов в российском социуме и в определенной степени могут помочь сориентироваться в поисках путей решения гендерного конфликта.

Ключевые слова: маскулинность, гендер, паремия, трансформ, патриархальность.

Для цитирования: Маркина, Л. В. (2024). Семантика стереотипных представлений о маскулинности в русских паремиях: вчера и сегодня. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 68–81. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.05>

Original article

UDC 811.161.1'373

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.05

SEMANTICS OF STEREOTYPICAL VIEWS ON MASCULINITY IN RUSSIAN PARODIES: YESTERDAY AND TODAY

Lyudmila V. Markina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-002>

Abstract. The article considers the ideas of normative, hegemonic masculinity in Russian traditional and modern anti-theological parodies. The study proves relevant due to the need to study changes in social gender relations caused by economic, social, and cultural shifts in the country, in particular transformational processes in objectifying masculinity, the effect of which is traumatic for Russian men. The study aims to identify and describe the views on masculinity as represented in traditional and modern parodies incorporated into social and cultural context. The article aims to identify changes in the basic features of hegemonic masculinity, determined by modern realities, and the reaction to them in the Russian society. The empirical materials were traditional and modern parodies

extracted from dictionaries of proverbs and anti-proverbs, as well as Internet sources. Research methods: descriptive and comparative analyses, cultural analysis. Results. The article identifies and describes the features of masculinity relevant for Russians and represented in traditional and modern parodies. The research substantiates the semantic content of views on masculinity as a topical phenomenon that causes heated discussions in modern Russian society. There is evidence that such nuclear signs of masculinity as imperiousness (dominance) and concomitant aggressiveness, the right to violence, opposition to a woman and everything feminine as flawed, deviant are deeply implanted into the public consciousness, which is confirmed by adherence to these features in public practice and their immutability. The article shows the change in today's way to understand the positions of the head of the family and the breadwinner, which have undergone rethinking and «blurring» with a change in historical circumstances. Conclusions. The findings emphasize the currently prevailing conservatism in views on traditional masculinity of both male and female domestic audiences, including the youngsters, even though the latter seem to have a greater mobility of ideas concerning masculinity. The results obtained also highlight the ethno-specific gender nuances of gender relations in the Russian society and, to a certain extent, can help to navigate the search for the ways to address the gender conflict.

Keywords: masculinity, gender, paremia, transform, patriarchy.

For citation: Markina, L. V. (2024). Semantics of stereotypical views on masculinity in Russian parodies: yesterday and today. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 68–81. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.05>

Введение

Категории маскулинности (мужественности) и фемининности (женственности) — чрезвычайно важные компоненты общественного сознания, сопряженные с понятием гендера. В отечественном социуме гендерная тематика связывается прежде всего с феминистской повесткой, вызывающей в нашем обществе явно негативный эффект. Слово *феминистка* весьма часто звучит как бранное слово, ругательство. Феминизм и феминисток отождествляют со всемирным злом, подозревают и даже прямо обвиняют в том, что именно они, а не диктуемые временем объективные изменения в политической, экономической, морально-этической сферах человеческих отношений, характерные для всего мирового сообщества, разрушают патриархальную цивилизацию, покушаются на традиционно сложившиеся семейные ценности и моральные устои.

На почве негатива активизируются различного рода отечественные мужские движения: *мужское государство, инцелы, маскулисты, реальные мужчины* и др. с мизогинной направленностью, заявляющие о матриархально-ориентированном социуме, мизандрии, «бабобеспределе», необходимости официального принуждения женщин к удовлетворению интимных потребностей мужчин, ратующие за так называемую положительную дискриминацию женщин. Декларируется также мужская дискриминация. Приводимые доводы:

обязательная воинская повинность существует исключительно для мужчин, мужчины позже выходят на пенсию, суды при разводе оставляют детей с матерями, алчные женщины создают семьи исключительно с целью использовать *аленей* (*алень* — появившееся сравнительно недавно жаргонное слово, обозначающее мужчину, которого в своих корыстных целях использует женщина, не давая ничего взамен; существуют активный, пассивный, боевой *алень*) и пр. Налицо нарастающая в нашей стране в условиях изменяющегося в мире гендерного порядка дисгармонизация в отношениях между полами. Гендерные проблемы, таким образом, в новой, современной реальности напрямую касаются и мужчин, в частности в аспекте представлений о маскулинности (мужественности) как о принципе, лежащем в основе отечественной гендерной системы.

Необходимость активного изучения столь значимой гендерной константы, как маскулинность, усугубляется имеющей место в научном дискурсе «критикой стабильных и универсальных гендерных категорий (Здравомыслова, Темкина, 2018), отказом от бинарности гендера (Кирилина, 2021), фиксирующимся в интернет-пространстве толерантным отношением к нетрадиционным связям, а также акцентированием в отечественном социуме проблемы традиционных ценностей, их сохранения. Социальная и научная дискуссия о феномене маскулинности может содействовать снижению накала страстей вокруг гендерных социальных границ, определения прав и обязанностей полов. Актуальность подобного рода исследований в отечественном научном сообществе хорошо осознают не только социологи, философы, психологи, историки и этнографы (а именно они наиболее активны в разработке данной проблемы), но со сравнительно недавнего времени и лингвисты.

Цель работы — выявить и описать специфику представлений о маскулинности в русских традиционных и современных, трансформированных, паремиях — антипословицах в их обусловленности социокультурным контекстом.

Материалом для анализа послужили пословицы и антипословицы из сборников и словарей паремий: «Словарь пословиц русского народа» В. И. Даля (2010), «Большой словарь русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2013), «Антипословицы Рунета: типология и словарь» Е. Иванова (2009), «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко (2005). Были использованы также интернет-источники — разнородные в тематическом отношении сайты и сообщества развлекательного, юмористического, информационно-новостного и подобного характера, где фиксируются трансформированные паремии, репрезентирующие представления о маскулинности в восприятии наших современников.

Методы исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный, метод культурологического анализа.

Методология исследования. Описание материала опирается на теорию социального конструирования гендера, представление о социокультурной

обусловленности гендерной идентичности и гендерных отношений, а также признание маскулинности зависимым от социокультурного контекста явлением. Анализ материала носит междисциплинарный характер, позволяющий более точно проследить тенденции изменения конструкта.

Паремии (пословицы, поговорки, приметы), по устоявшемуся мнению исследователей, — ценнейший источник знаний о менталитете народа, народном быте, стереотипах народного сознания, традиционных ценностях и представлениях, что относится в полной мере и к представлениям о мужественности. В традиционном понимании пословица — это «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» (Мокиенко, 2010, с. 9). В энциклопедии «Русский язык» пословица определяется как «устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений. Выступает в речи, в отличие от поговорки, как самостоятельное суждение» (Русский язык. Энциклопедия, 1997, с. 355).

Любое умышленное изменение внутренней/внешней формы традиционной паремии, а также образование неузуальных конструкций по модели существующей паремиологической языковой единицы понимается нами как *трансформированная/современная паремия* (в другой терминологии *новая паремия, паремия-трансформ, антипословица* и пр.). Первоначально для обозначения преобразованных, инновационных паремических единиц немецким исследователем В. Мидером (Mieder, 1982) был предложен термин *антипословица*. Эти конструкции представляют собой значимые вербальные репрезентанты, позволяющие выявить, в частности, изменения в стереотипных представлениях о маскулинности, обусловленные преобразованиями в социокультурном контексте. Их анализ в указанном аспекте обнаруживает существенные для отечественной языковой культуры гендерные нюансы.

В нашей работе рассматриваются лишь некоторые социально весомые, статусные, ядерные характеристики феномена маскулинности, который требует дальнейшего лингвистического обсуждения, опирающегося на активный сбор новых и разнообразных эмпирических данных, выраженных языковыми средствами разного характера.

Изученность проблемы. Теоретической базой исследования послужили работы представителей лингвистической гендерологии: А. В. Кирилиной, Е. В. Грищенко, Л. С. Поляковой и др.; ученых-паремиологов: Н. Н. Семененко, О. Б. Абакумовой, Н. Ф. Алиференко, Г. Ш. Хакимовой; а также труды по общим вопросам социологии и анализу трансформаций конструктов маскулинности в современном российском обществе: И. С. Кона, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, В. А. Лабунской, И. Н. Тартаковской, С. В. Ушакина и др.

Отечественные лингвисты рассматривают маскулинность чаще всего как член бинарной оппозиции в сопоставлении с фемининностью, а также в сравнительно-сопоставительном аспекте с этой категорией в других языках (В. А. Ефремов, Е. С. Зиновьева, Е. С. Бадмаева, В. К. Барашян, У. С. Захарова, Е. А. Фурса и др.).

Обычно отмечают, что одним из первых маскулинность начал исследовать австралийский социолог Р. Коннелл (Connell, 2005). Однако немецкий социолог К. Куклик (Kucklick, 2008) в своей диссертации «Безнравственный пол — о появлении отрицательной андрологии», анализируя историю возникновения современной маскулинности и отрицательного образа мужчины, утверждает, что стереотип мужчины как безнравственного и склонного к насилию человека возник около 1800 года в работах таких философов, как Дж. Миллар, И. Г. Фихте и В. Гумбольдт. По утверждению одного из основателей современной российской социологической школы И. С. Кона, интерес к категории маскулинности как базовой категории, лежащей в основе социальной реальности, активизировался в 80-е годы прошлого века (Кон, 2008). Столь пристальное внимание к проблеме феномена маскулинности именно и прежде всего социологов, без сомнения, находит объяснение в чрезвычайной значимости фактора пола, гендерной определенности для отношений людей в любых сферах жизнедеятельности: в семье, экономике, политике, культуре. В центре внимания ученых была традиционная (нормативная, эталонная, гегемонная) маскулинность.

Исследователи отмечают отсутствие однозначного определения категории маскулинности. Вслед за С. Бем (Бем, 2004) мы понимаем под маскулинностью (мужественностью) наборы желаемых психологических и поведенческих свойств и качеств, ожидаемых от мужчин в конкретном социально-историческом контексте.

Результаты

Чаще всего традиционную маскулинность в массовом сознании определяют через совокупность статусных признаков — власть, разум, агрессивность, жесткость, физическая сила, активность и др.; философы соотносят ее также с духом, инициативой. Среди признаков этой маскулинности можно выделить основные, ядерные: доминирование (утверждение мужской власти), агрессивность (способность и склонность к насилию), рациональность (здравомыслие, правильность, практицизм — в противоположность женскому иррациональному). «В рамках патриархального сознания культурная норма человеческой идентичности определяется через дефиницию маскулинности. И в рамках патриархальности культурная норма мужской идентичности состоит во власти, престиже, привилегии и прерогативы как “над”, так и “против” женского начала» (Тулузакова, 2011, с. 235).

Русские поговорки передают национальное видение маскулинности, обусловленное патриархальными установками, отражающими гендерное неравенство и дискриминацию по половому признаку. Такая маскулинность, опираясь на культурные традиции русского народа, прежде всего предполагает главенство мужчины в социуме и в семье и полную подчиненность женщины. Подобное положение вещей детерминируется предписыванием мужчинам «отприродных» черт, дающих им право доминировать, а именно: властность, умение и готовность подчинять своей воле других, распоряжаться, быть хозяином, кормильцем, главой семьи; агрессивность (решимость применять физическое воздействие); способность защитить (быть сильным); заниматься мужскими делами; активность. И они по этой логике прямо противоположны чертам, которыми природа наделила женщин.

Женщина предстает в русских поговорках как существо с целым рядом негативных характеристик: *неразумное*: «Бабы умы разоряют дома» (Даль, 2010, с. 373); *вздорное, склочное*: «Бабы бранятся, так платки с голов валяются» (Даль, 2010, с. 309); «С бабой не сговоришь. Бабу не переговоришь» (Даль, 2010, с. 310); *несамостоятельное*: «Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет» (Мокиенко, 2013, с. 711); *ненадежное*: «Кто бабе (свахе) поверит, трех дней не проживет» (Даль, 2010, с. 307); *злое*: «Лучше раздражить собаку, нежели бабу» (Даль, 2010, с. 309).

Ряд отрицательно коннотированных характеристик женщин продолжают *болтливость, лживость, жадность, бестолковость, порочность* и др. Примечательно, что эти и другие женские, порицаемые, качества столь же присущи и доминирующему полу, что с очевидностью можно наблюдать на примере бранных номинаций мужчин, маркирующих эти качества, еще в одном (наряду с поговорками) репрезентанте особенностей русского национально-культурного сознания — в русских говорах (Маркина, 2020, с. 5–14). В целом в поговорках спорным выглядит сам статус женщины как человека: «Кобыла не лошадь, баба не человек» (Даль, 2010, с. 308), «Я думал, идут двое, ан мужик с бабой» (Даль, 2010, с. 306).

Что касается трансформированных поговорок, то, несмотря на отмечаемое в научном дискурсе мнение о некотором размывании гендерных стереотипов в современном отечественном социуме, в этих поговорках женщина в лучших патриархальных традициях предстает как существо *недалекое* или *откровенно глупое*: «Ум женщины — это ум курицы; ум умной женщины — это ум двух куриц» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 120); «Умная женщина — это как дирижабль. Кстати, когда вы в последний раз видели дирижабль?» (Иванов, 2009, с. 68); *меркантильное*: «Не в деньгах счастье, а в мужчине с деньгами»; «Что у женщины на уме, то мужчине не по карману»¹; *аморальное — распутное и беспринципное*: «Девушка как пачка сигарет: один открывает, а другие пользуются» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 122); «Некоторые женщины такие

¹ *Жемчужины мысли*. [сайт]. URL: <https://www.inpearls.ru/60586> (дата обращения: 12.02.2024).

стеснительные, что стесняются отказывать мужчинам» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 167).

Презрительно-высокомерное, уничижительное отношение к женщине позволяет подчеркнуть ценность, значимость мужчины, мужское превосходство, поставить женщину на ступень ниже: «Раздельное питание по-восточному — это когда мужчины едят мясо отдельно от макарон, которые едят женщины» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 169); «Скромность украшает человека, нескромность — женщину» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 169). Анализ современных пословиц (антипословиц) в рассматриваемом аспекте подтверждает, что современные мужчины продолжают жить в устоявшихся стереотипных представлениях об ущербности, низменности женской природы, преобладании в ней животного начала над духовным.

Традиционными являются в поговорках-трансформах и акценты при определении ценности женщины для мужчины — она объект с функционалом обслуживания, необходимый в хозяйстве: «Домашнее хозяйство подобно кроссворду: жена — по вертикали, муж — по горизонтали» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «Если на вашей чашке от кофе и чая уже образовались годовые кольца — вам пора жениться»². «Обслуживающий функционал женщин при этом якобы объясняется природными и биологическими причинами: интеллектуальной несостоятельностью женщин, их моральной, физической и физиологической ущербностью, а в целом даже сомнительной их принадлежностью к понятию человек» (Маркина, 2018, с. 202).

В современных реалиях такой функционал дополняется: женщина рассматривается еще и как сексуальный объект: «Женский свитер должен так плотно обтягивать грудь, чтобы у мужчины перехватило дыхание» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 113); «Женщина и машина — чем моложе, тем дороже» (Иванов, 2009, с. 47). В традиционных пословицах, где в соответствии с православным гендерным порядком сексуальная функция и мужчин, и женщин была тесно увязана с репродуктивной с исключением поисков получения эротических удовольствий, это не было предметом актуализации.

Реализация властных отношений как ключевого элемента нормативной маскулинности доступнее всего для мужчины в традиционной модели семьи, где он предстает ее главой с неограниченными полномочиями. Право и прескрипция главенствовать репрезентированы в многочисленных традиционных пословицах, описывающих отношения в семье: «Муж в дому, что глава на церкви» (Даль, 2010, с. 291), «Хозяин, что чирый: где захотел, там и сел» (Даль, 2010, с. 92). Жесткость и властность, входящие в круг представлений о традиционной маскулинности, диктуют в качестве средства подчинения необходимость воспитательных мер в отношении детей и жены в виде физического воздействия: «Не слушался отца, послушаешься кнутца» (Даль, 2010, с. 334). Пословицы практически обязывают реализовывать мужское право на насилие

² Там же.

в отношении жены во исполнение предписанности мужского превосходства: «Бабий быт — за все бит» (Мокиенко, 2013, с. 23); «Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); У мужа (перед мужем) жена всегда виновата» (Даль, 2010, с. 338).

Следует отметить, что в патриархальном социуме побои как средство воспитания самими женщинами воспринимаются не только как неотъемлемое право мужчины, но даже принимаются и за доказательства любви: «Милый ударит — тела прибавит. Милый побьет, только потешит» (Мокиенко, 2013, с. 337); «Милого побои недолго болят» (Даль, 2010, с. 337).

Трансформированные паремии не акцентируют внимание на применении физической силы в отношении жены как средства для утверждения мужчинами своего главенствующего положения и авторитета. Примеры паремий с такой семантикой единичны: «Если у жены фингал под глазом — значит, у мужа третья бутылка была лишней»³; «Если закат пурпурного цвета — значит быть большому снегу или бурану с морозом, если у жены лицо пурпурного цвета — значит быть скандалу с побоями и битьем посуды»⁴.

Думается, что это не случайность. Появление трансформированных паремий — реакция языка на изменяющиеся социальные ситуации, и скорость такой реакции поражает, как можно было заметить по появлению огромного количества трансформов коронавирусной тематики, кстати, даже зафиксированных уже в соответствующих словарях. Следовательно, можно думать, что в современном отечественном социуме изменения в отношении к безусловности семейного насилия как реализации властных мужских привилегий просто отсутствуют. Оно бытует, но женщины как будто не замечают в таком факте ничего недопустимого. Формулы «самадуравиновата», «в семье всякое бывает», «пьет/бьет — так это все так живут», высказывания известных медийных личностей вроде «а что ты сделала, чтобы муж тебя не бил» находят среди них отклик и понимание. Транслируется представление женщин, возможно плохо осознаваемое, о способности властвовать, подчинять своей воле, контролировать, наказывать и поощрять как об *основополагающем* элементе нормативной маскулинности, что должно, в общем, исключать опасения в покушении на свои права у мужского населения нашей страны.

Слабую заявку на изменение отношения к подобному проявлению мужественности можно увидеть в наличии трансформов пословицы «Бьет значит любит»: *«Бьет значит бьет; Бьет значит убьет; Бьет значит статья УК РФ; Бьет — значит любит... бить; Бьет — значит преступник. Бьет — значит ст. 111, 112, 115 и 116 УК РФ. А никакая не любовь, дуры вы тупые. Бьет —*

³ Прикольные приметы и суеверия. *Штуки-Дрюки*: информационно-развлекательный портал. URL: https://stuki-druki.com/Primeti_prikol.php?page=3 (дата обращения: 12.02.2024).

⁴ Сборник смешных народных примет. *VITALIYPETRUK*: [блог в Живом Журнале]. URL: <https://vitaliypetruc.livejournal.com/89666.html> (дата обращения: 12.02.2024).

значит сядет!» (Васильева, 2022, с. 137–138), подвергающих сомнению традиционную семантику поговорок. Но такой пример единичен. Сколь-нибудь значимые трансформации рассматриваемой составляющей нормативной традиционной мужественности не установлены.

Кроме властных полномочий мужчины как доминанта, еще одной ключевой составляющей маскулинности в патриархальном сознании является монопольный статус мужчины как кормильца, добытчика, реализующийся в гендерной роли главы семьи. Русские поговорки хорошо комментируют связь такого статуса с экономической властью, полной ответственностью за семью, обязанностью поддерживать определенный уровень ее жизни, много и тяжело трудиться, умением находить выход из сложных жизненных обстоятельств, а также отвечать за нерушимость семьи: «Не местом ведется (порядок, достаток), а хозяином»; «Где хозяин ходит (прошел), там и хлеб родится (уродился)» (Даль, 2010, с. 92), «Плохонький забор, да все ограда, плохонький муж — а все опора» (Даль, 2010, с. 340).

В современной российской действительности в силу ряда объективных обстоятельств, таких, например, как изменение структуры рынка труда, вовлеченность женщин в оплачиваемую трудовую деятельность, монопольная роль кормильца семьи, добытчика как один из стержневых, основополагающих компонентов гегемонной маскулинности отмирает; в обществе уже практически отсутствуют социально разделяемые представления о мужчине как о единственном кормильце, что обуславливает определенную трансформацию конструкта. Этногендерная особенность этого процесса, как представляется, заключается в том, что к этой потере мужчины подходят весьма прагматически. Они или самоустраиваются от такой роли, уклоняясь от вступления в брак, чтобы избежать обязательств перед семьей, или делят экономическую ответственность с женой, при этом добровольно делегируя ей решение всех бытовых проблем как зону женской ответственности: «Жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности» (Иванов, 2009, с. 47); «Пока вырастишь цветы жизни, наживешь букет болезней!» (Там же, с. 29). «Муж — голова, жена — все остальное» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «У мужчин положение устойчивого равновесия находится на диване» (Иванов, 2009, с. 68).

Подтверждением сказанному служит актуализация такого явления современной жизни, как мужчины-пополамщики, декларирующие и реализующие совместные вложения в семейный бюджет 50/50, обуславливая справедливость такого распределения борьбой женщин за равные права с мужчинами. Поговорки-трансформы, как следствие, фиксируют переход функции внутрисемейного управления к женщине: «Мужчина в крепких руках женщины может достичь многого, например, стать отцом большого семейства» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «Холостяк всю работу по дому делает сам. А женатого заставляет жена» (Иванов, 2009, с. 69); «Если жена держит мужа в черном теле, значит, ей нравятся негры» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 131).

Транслируется также утрата мужчинами бескомпромиссности статуса главы семьи: «Если мужчина утверждает, что он в доме хозяин, значит, он и в других случаях лжет» (Иванов, 2009, с. 46); «Если вы хотите, чтобы ваша жена прислушивалась к каждому вашему слову, научитесь разговаривать во сне» (Иванов, 2009, с. 45); «Муж не шкаф — подвинется» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 273); «У меня с моей женой обмен мнениями: прихожу со своим мнением, ухожу — с ее» (Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 163).

Обращает на себя внимание факт, что посягательство на характерные для патриархатного сознания лидирующие позиции в браке мужа как главы связывается в современном обществе (и отражается в современных паремиях) не с инволюцией представления о мужчине как о добытчике, кормильце, а именно и прежде всего с тем, что позволительным стало отсутствие безоговорочного подчинения жены, ее покорности, покушение на непрерываемость мужского авторитета, мужское превосходство и доминирование, что уязвляет мужское эго. Если судить по данным проанализированного материала, ставшая реальностью потеря монопольной роли кормильца, добытчика не осмысливается современными российскими мужчинами как критичная для их имиджа доминанта. Они считают себя главой семейства со всеми полагающимися по этому статусу исключительными правами просто по факту принадлежности к привилегированному полу, подкрепляемому нерушимой верой в свое превосходство. Равноправные отношения с женщиной при этом не допускаются.

Патриархальная установка, что мужчина — лидер от природы, доминант и должен везде быть первым, находит поддержку в обществе, в том числе среди женской и молодежной аудитории, что подтверждается и социологическими исследованиями. По данным многочисленных опросов социологов, согласно сложившейся традиции мужчина во многих российских семьях продолжает признаваться и оставаться главой ячейки общества (Берберова, 2017; Сухарева, Самосадова, 2018; Чернышева, Спирюгова, 2021). Российское общество культивирует и демонстрирует приверженность престижной традиционной модели маскулинности, а также в принципе и традиционалистской модели иерархических гендерных взаимоотношений, соглашаясь с несправедливым неравенством по половому признаку.

Выводы

Сравнительный анализ традиционных паремий и паремий-трансформов позволяет прийти к заключению, что в отечественном социуме на сегодняшний момент в целом приоритетным остается поощряемое, социально санкционированное патриархальное представление о мужественности, направленное на сохранение и возрождение могущих ускользнуть мужских привилегий,

что подтверждают также наблюдения и выводы в исследованиях социологов. Отмечаемые элементы динамики в структурном содержании анализируемого конструкта, на наш взгляд, не отражают значимой трансформации массового сознания россиян в отношении оценки существующих гендерных моделей, условий гендерного режима, характерных для России, что не способствует гармонизации взаимоотношений между полами.

Список источников

1. Здравомыслова, Е. А., Тёмкина, А. А. (2018). Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 48–73.
2. Кирилина, А. В. (2021). Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*, 3(49), 109–147.
3. Даль, В. И. (2010). *1000 русских пословиц и поговорок*. РИПОЛ классик.
4. Мокиенко, В. М. (2013). *Большой словарь русских поговорок*. ОЛМА Медиа Групп.
5. Иванов, Е. (2009). Антипословицы Рунета: типология и словарь. *Право и экономика*, Вып. 3.
6. Вальтер, Х., & Мокиенко, В. М. (2005). *Антипословицы русского народа*. Нева.
7. Мокиенко, В. М. (2010). Современная паремиялогия (лингвистические аспекты). *Мир русского слова*, 3, 6–20.
8. *Русский язык*. Энциклопедия. (1997). Ю. Н. Караулов (Ред.). Большая Российская энциклопедия: Дрофа.
9. Mieder, W. (1982). *Antisprichwörter*. Vol. 1. Verlag für deutsche Sprache.
10. Connel, R. W. (2005). *Masculinities*. 2nd (ed. Berkeley). University of California Press.
11. Kucklick, Chr. (2008). *Das unmoralische Geschlecht — Zur Geburt der Negativen Andrologie*. In Suhrkamp. *In Männern fixiert die Moderne ihre Ressentiments gegen sich selbst* (S. 13).
12. Кон, И. (2008). Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 5–16.
13. Бем, С. (2004). *Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов*. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
14. Тулузакова, М. В. (2011). Патриархальность и маскулинность как принцип организации гендерных отношений в российском обществе. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 4(59), 233–238.
15. Маркина, Л. В. (2020). Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин). *Неофилология*, 6, 21, 5–14.
16. Маркина, Л. В. (2018). Жаргонные бранные номинации и характеристики женщин в современной молодежной коммуникации: гендерные стереотипы. *Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве* (с. 197–204). Материалы Международной научно-практической конференции, Саратов – Москва, 24–26 октября 2018 г. Перо, Амирит.
17. Васильева, К. Н. (2022). *Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].

18. Берберова, К. К. (2017). Социально-групповые особенности конструкторов маскулинности в молодежной среде. *Гуманитарий Юга России*, 6, 4, 71–78.
19. Сухарева, Н. Ф., & Самосадова, Е. В. (2018). Гендерные трансформации брачно-семейных отношений в представлениях молодежи провинции. *Мир университетской науки: культура, образование*, 9, 97–106.
20. Чернышева, А. В., & Спириугова, А. Г. (2021). Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации. *Гуманитарный вестник*, 6, 1–19.

References

1. Zdravomyslova, E. A., & Temkina, A. A. (2018). What is «masculinity»? Conceptual master keys of critical studies of men and masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 6, 48–73. (In Russ.).
2. Kirilina, A. V. (2021). Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium. *Journal of Psycholinguistics*, 3(49), 109–147. (In Russ.).
3. Dahl, V. I. (2010). *1000 Russian proverbs and sayings*. RIPOL classic. (In Russ.).
4. Mokienko, V. M. (2013). *The Great Dictionary of Russian sayings*. OLMA Media Group. (In Russ.).
5. Ivanov, E. (2009). Runet anti-theologians: typology and dictionary. *Law and economics*. Issue 3. (In Russ.).
6. Walter, H., & Mokienko, V. M. (2005). *The anti-theologians of the Russian people*. Neva. (In Russ.).
7. Mokienko, V. M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *The World of the Russian Word*, 3, 6–20. (In Russ.).
8. *Russian Language*. Encyclopedia. (1997). Y. N. Karaulov (Ed.). The Great Russian Encyclopedia: Drofa. (In Russ.).
9. Mieder, W. (1982) *Antisprichwörter*. Vol. 1. Verlag für deutsche Sprache. (In German).
10. Connel, R. W. (2005). *Masculinities*. 2nd (ed. Berkeley). University of California Press. (In English).
11. Kucklick, Chr. (2008). *Das unmoralische Geschlecht — Zur Geburt der Negativen Andrologie*. In Suhrkamp. *In Männern fixiert die Moderne ihre Ressentiments gegen sich selbst* (S. 13). (In German).
12. Kohn, I. (2008). Hegemonic masculinity as a factor of male (non) health. *Sociology: Theory, methods, marketing*, 4, 5–16. (In Russ.).
13. Bem, S. (2004). *Gender lenses: The transformation of views on the problem of gender inequality*. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).
14. Tuluzakova, M. V. (2011). Patriarchy and masculinity as a principle of the organization of gender relations in Russian society. *Vestnik Saratov State Technical University*, 4(59), 1, 233–238. (In Russ.).
15. Markina, L. V. (2020). Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of abusive nominations of men). *Neophilology*, 6, 21, 5–14. (In Russ.).
16. Markina, L. V. (2018). Slang expletive nominations and characteristics of women in modern youth communication: gender stereotypes. *Russian language and literature in professional communication and multicultural space* (pp. 197–204). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov – Moscow, October 24–26, 2018. Pero, Amirit. (In Russ.).

17. Vasilyeva, K. N. (2022). *Paremia-transformations in Internet communication: structure, semantics, thematic groups* [Dissertation for the PhD (Philology): 02.10.2011. Moscow]. (In Russ.).
18. Berberova, K. K. (2017). Socio-group features of masculinity constructs in the youth environment. *Humanitarians of the South of Russia*, 6, 4, 71–78. (In Russ.).
19. Sukhareva, N. F., & Samosadova, E. V. (2018). Gender transformations of marital and family relations in the representations of the youth of the province. *The world of academia: culture, education*, 9, 97–106. (In Russ.).
20. Chernysheva, A. V., & Spiryugova, A. G. (2021). Masculinity and femininity in modern society: trends of transformation. *Gumanitarnyj vestnik*, 6, 1–19. (In Russ.).

Информация об авторе

Людмила Витальевна Маркина — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Lyudmila V. Markina — Doctor of Philology, Docent, Full Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.